

Война, $\frac{XX}{2} 160$

1915.

~ 44-69

$\frac{XX}{2} 160$

нбд кет
ср 7-10

№ 44.
ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.
1915 г.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

ЦѢНА 10 к.
ПЕТРОГРАДЪ.
ЮЛЬ.

Англійскій развѣдчикъ-кавалеристъ.

Условия подписки

съ доставкой и
пересылкой по
всей Россіи:

на годъ . 4 р. — к.

„ 1/2 года 2 „ — „

„ 1 мѣс. — „ 30 „

Перем. адреса 25 к.

Непринятые рукописи
не возвращаются.

ВОЙНА

(прежде, теперь и потомъ).

===== ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ. =====

Такса объявленій:

За строку нонпарели въ 1 столбецъ:

(1/4 шир. стран.)

впер. текста . 90 к.

позади „ . 60 „

Постоянные заказы по
соглашенію.

№ 44—1915 г. Главная контора журнала: Петроградъ, 7-я Рождественская, 30. = Июль. =

ЧУЖІЕ

Въ старой часовенкѣ кротко лампада маячить,
Кто-то въ углу передъ образомъ плачетъ,
Темная ночь пораскинула траурный пологъ;
Молить о комъ-то, кто сердцу такъ близокъ и дорогъ.

* *

Мечутся въ сумеркахъ блѣдныя тѣни,
Кто-то внезапно встревожилъ насиженный улей,
Кто-то со стономъ упалъ на сырые ступени —
Вражьей прострѣленный пулей...

* *

Мракъ озарили зловѣщія красныя птицы,
Словно добычу во мракѣ коварныя чуютъ,
Чьи-то мелькаютъ во тьмѣ безобразныя лица...
Въ нашей деревнѣ — «чужіе» ночуютъ...

Михаиль Андреевъ.

Нѣмецъ, перецъ, колбаса,
Купилъ лошадь безъ хвоста...
Нѣмецъ, перецъ...

Услышанную отъ мамы новость надо кому-нибудь
сообщить, и поэтому Сережа бѣжитъ на кухню.

У плиты возится краснощекая, дебелая Ѳекла.

Сережа приходитъ къ ней и, выждавъ удобный для
разговора моментъ, когда Ѳекла вытираетъ рукавомъ
сальной кофты потъ съ лица, говоритъ.

— А нѣмцы — наши враги.

Ѳекла судорожно вздыхаетъ:

— Вѣстимо, нѣмчура поганая. Хильхельмъ ихній,
чтобъ ему ни дна, ни покрывки. Чисто, антихристъ.

По вечерамъ въ кухнѣ особенно интересно. Къ
Ѳеклѣ приходятъ дворникъ, сосѣдская кухарка и всѣ
говорятъ о войнѣ. Сережа незамѣтно выскальзываетъ
изъ комнатъ и, взобравшись на табуретъ, жадно и вни-
мательно слушаетъ ихъ разговоры.

ЕГО СЫНЪ.

Р а з с к а з ъ .

— Мама, а нѣмцы за насъ воюютъ?

— Нѣтъ, Сережа. Они наши враги.

Маленькій человѣкъ озадаченъ. До сихъ поръ ему
казалось, что нѣмцы воюютъ вмѣстѣ съ папой противъ
какого-то косматого злого человѣка, съ рыжей боро-
дой и съ топоромъ въ рукахъ.

Сережа вспомнилъ хозяина булочной, въ которой
продаются изумительно вкусныя, кремовыя трубочки.
Хозяина булочной называли нѣмцемъ и у него была
круглая, какъ шаръ, лысая голова и носъ картошкой.

— Мама, а булочникъ тоже нашъ врагъ?

— Да, Сережа.

— А гдѣ онъ теперь?

— Его выслали..

— Потому что онъ нѣмецъ?

— Да.

— Ага!

Сережа задумывается, и вдругъ начинаетъ напѣвать
смѣшную пѣсенку, которую онъ слышалъ отъ сына
дворника Максима:

Бѣгство Карла XII и Мазепы послѣ битвы при Полтавѣ.

«Думка Франца».

(Не изъ „Гальки“).

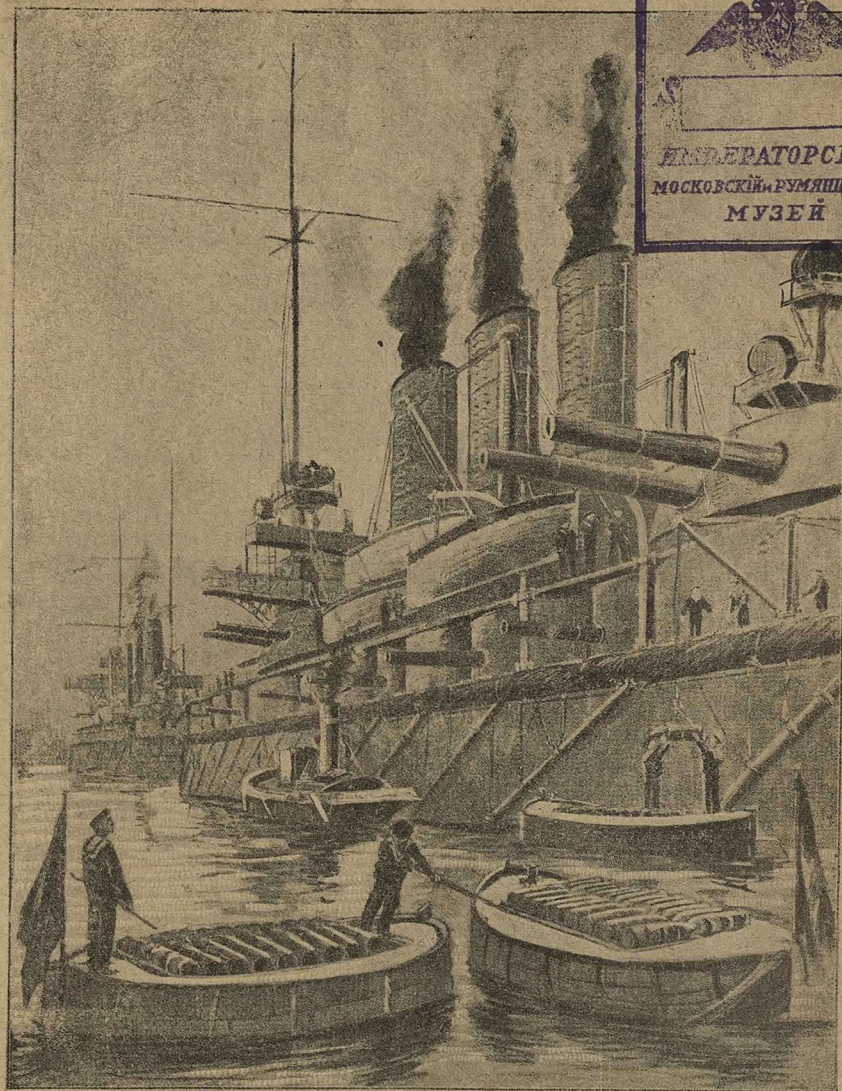
— „На Карпатахъ вѣтеръ воетъ
И въ ушахъ шумитъ,
А у Франца сердце ноетъ,
Грусть-тоска щемитъ...
Но, кто жъ бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, любимъ-ли я тобою?
Ой, мой Вилли—?
Въ лучшемъ стилѣ—
Насъ побили тутъ,
И еще побьютъ...
* * *

Я ли развѣ не старался
Свыше всякихъ силъ?
И съ врагами такъ сражался—
Даже... носъ разбилъ...
Въ настроеніи геройскомъ,
Распахнувши дверь.—
Скоро, скоро, вслѣдъ за войскомъ,
Я поѣду... въ Тверь!..
Но, кто жъ бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, обманутъ я тобою!..
* * *

Стороною, слышалъ, какъ-то,
Отъ сосѣдей я,
Что—безъ всякаго антракта,—
Лупятъ и тебя...
Говорятъ, что итальянцу
Ты Триестъ даешь?..
— Что-же дѣлать-то мнѣ.—
Францу?..

Это вѣдь—грабежъ!!!..
Но, кто жъ бѣдъ моихъ виною?
Ахъ, обманутъ я тобою!..
Насъ побили!..
Охъ, мой Вилли,
Вся вина твоя!

Бумъ и комп.

ИМПЕРАТОРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ ГУМАНЦОВСКІЙ
МУЗЕЙ

Въ Дарданеллахъ. Доставка състныхъ припасовъ на дредноуты союзниковъ.

(Рис. англійск. журнала).

— Звѣри они, — говоритъ дворникъ, — что съ нами-то дѣлаютъ! Языки и уши отрѣзаютъ, дѣвухъ безчестятъ.

Сосѣдская кухарка медленно, по складамъ читаетъ газету.

— Господи! — вздыхаетъ Оекла.

Сережа слушаетъ, и въ головѣ его копошатся новыя, тяжелыя мысли.

Маленькій человѣкъ прижимается къ мамѣ и быстро шепчетъ:

— Мама, нѣмецъ хотѣлъ папу убить.

— Господь съ тобой, успокойся.

Мама теперь такая блѣдная, такая печальная, а прежде, когда былъ папа, всегда смѣялась, и папа ее хохотуней звалъ.

Сережа наклоняется къ мамѣ и вспоминая слова Оеклы, говоритъ:

— А Богъ-то за насъ.

— За насъ, сынокъ, за насъ. Онъ — добрый. Онъ сохранитъ намъ папу.

Письма отъ папы приходятъ рѣдко, и когда долго нѣтъ письма, мама ходитъ по комнатамъ сама не своя и до хруста ломаетъ безкровные, тонкіе пальцы.

— Да не изводите, барыня,—утѣшаетъ ее Оекла, — помолитесь лучше. Богъ-отъ видитъ правду, вернется нашъ баринъ цѣлъ и невредимъ. А что писемъ нѣту, такъ, вѣстимо, какая ужъ тамъ пошта, не до того вѣдь.

Говоритъ, а сама плачетъ.

Не даромъ папа смѣялся, что глаза у Оеклы на мокромъ мѣстѣ. Такъ и говорилъ:

Мама — хохотунья,

Оекла — плакунья,

А Сергунъ — молодецъ!

Когда почтальонъ приносилъ письмо съ красной, круглой печатью, въ комнатахъ сразу становилось весело. Мама улыбается и Оекла не плачетъ.

И Сережѣ тогда радостно: вѣрится ему, что скоро вернется папа, и все будетъ по прежнему.

Маленькій человѣкъ подолгу сидитъ за письменнымъ столомъ и выводитъ на бумагѣ старательно и серьезно печатными буквами дорогое ему слово:
п а п о ч к а.

Нынче опять нѣтъ письма. И уже давно не было. Мама ждала вечерней почты, но и съ ней ничего не пришло.

Сережѣ не спится. Ворочается онѣ въ кроваткѣ, а мысли одна за другой лѣзутъ въ голову, и нѣтъ выгнать ихъ оттуда.

Въ сосѣдней комнатѣ сидитъ мама.

За сегодняшний день она даже похудѣла.

И такъ маленькая, словно игрушечная, а теперь еще тоньше стала.

— Таеѣтъ, — вспомнилъ Сережа Феклины слова.

— Какъ Снѣгурочка, — рѣшается онѣ и тяжело вздыхаетъ отъ жалости къ мамѣ.

Уже тихій сонѣ отгоняетъ надоѣдливыя мысли, и вдругъ къ Сережѣ доносится сдержанный плачѣ.

Маленькій человекѣ прислушивается. Потомѣ со- скакиваетъ съ кровати и, шлепая босыми ногами по полу, бѣжитъ въ сосѣдную комнату.

Мама о чемѣ-то задумывается, потомѣ крѣпко цѣ- луетъ Сережу и съ гордостью смотритъ на него. Лицо у нея становится особеннымѣ, а глаза — свѣтлыми, глубокими, и голосѣ ея звучитъ какѣ-то необыкновенно покойно и твердо, когда она говоритъ:

— Ты хороший, Сережа! Ты совсѣмѣ, какѣ онѣ...

И, словно поясняя, добавляетъ:

— Какѣ твой папа!..

Юрій Zubовскій.

ИЗЪ ВОЙНЪ ДРЕВНОСТИ.

Атака Александромѣ Македонскимѣ цитадели на Индѣ.
(Рис. Кастенья).

ДОЧЬ ПОЛКА.

Эпизодъ изъ русско-турецкой войны.

Знаменитый бой 28 ноября 1877 года, имѣвший, какѣ извѣстно, рѣшающее вліяніе на исходѣ всей компании, покрывшій новыми лаврами наше побѣдоносное оружіе и окончившійся паденіемѣ неприступныхъ Плевненскихъ твердынь и сдачей непобѣдимаго турецкаго военачальника Османа-паши съ его сорокатысячной арміей, шелъ къ концу.

На выручку изнемогавшихъ въ борьбѣ съ превосходными силами вдесятеро многочисленнѣйшаго врага и вынужденныхъ вслѣдствіе этого уступить свои позиціи, храбрыхъ Астраханскаго и Сибирскаго гренадерскихъ полковѣ, бывшихъ въ этотѣ знаменательный день на аванпостахѣ,—прибыли свѣжія войска гренадерскаго корпуса, стоявшія на позиціи отъ дер. Дальній-Дубнякъ до оврага „Копанная могила“. Ударивъ во флангѣ наступаващаго непріятеля, они мгновенно измѣнили ходѣ сраженія. Турки, не выдержавъ стремительнаго натиска нашихъ гренадерѣ, пораженные паническимѣ страхомѣ, смѣшались и начали въ хаотическомѣ безпорядкѣ поспѣшно отступать къ рѣкѣ Виду, за которой выселись ихъ укрѣпленія. Громогласное, раскатистое, побѣдное «ура» пронеслось изъ конца въ конецѣ по обширнымѣ Плевненскимъ высотамѣ, покрывая собою громѣ орудейныхъ и ружейныхъ выстрѣловѣ. Перейдя въ наступленіе, части гренадерскаго корпуса, развернувъ фронтѣ, стремительно преслѣдовали бѣжавшихъ турокѣ сплошными залпами берданокѣ и картечью изъ орудій, которыя успѣли вновь занять прежнія свои позиціи въ отнятыхъ было непріателемѣ батареяхѣ.

— Молодцы гренадеры! Валяй ихъ хорошенько! весело напутствовалъ своихъ солдатъ командиръ корпуса, генералѣ Ганецкій, проѣзжая во главѣ свиты мимо наступающихъ рядовѣ гренадерѣ.

— Рады стараться, ваше превосходительство! восторженно отвѣчали храбрецы на привѣтствіе любимаго начальника и ураганомѣ неслись впередѣ за бѣжавшимѣ отъ нихъ непріателемѣ.

Масса труповѣ, какѣ турецкихъ, такѣ и нашихъ, покрывала обширное поле боя. Тяжело раненые силились подниматься и, случалось, что съ послѣднимѣ вздохомѣ, такой страдалецѣ пускалъ изъ винтовки пулю вслѣдѣ удаляющемуся врагу. Нѣкоторые же, въ особенности турки, напрягали послѣднія усилія, стараясь отползти въ заросли кукурузныхъ посѣвовѣ, съ тщетною надеждой укрыться отъ наступавшей лавы нашихъ войскѣ.

Въ самый разгарѣ преслѣдованія непріятеля, въ линію огня вступилъ 2-й баталіонѣ С—каго гренадерскаго полка, подѣ командою майора Г.

— Рота, стройся влѣво, бѣгомѣ! скомандовалъ командиръ 8-й роты, молодой поручикѣ Д., выбѣгая передѣ фронтомѣ своей части.

Лихо исполнили солдатики команду своего начальника и, съ ружьями „на перевѣсъ“, двинулись вслѣдѣ за шедшими впереди, подѣ огнемѣ непріятельскихъ батарей, своими однополчанами.

Пробѣжавъ приблизительно около версты, лѣвый флангѣ роты вынужденъ былѣ пробираться въ густой заросли высокихъ стеблей кукурузнаго поля.

— Эй, Сидорчук! Глянько-сь что за штука! крикнулъ товарищу ефрейторъ Борщовъ, останавливаясь въ нѣсколькихъ шагахъ передъ лежавшею на землѣ, своеобразно - интересной группой.

— Штука и естъ! согласился подбѣжавшій на зовъ приземистый Сидорчукъ.

Передъ ними на землѣ, на стебляхъ смятой и обильно смоченной кровью кукурузы, лежалъ съезжившійся трупъ турецкаго редифа. Лицо покойнаго носило слѣды только что миновавшей мучительной агоніи, а правая рука застыла въ судорожномъ объятіи, которымъ онъ какъ-бы старался привлечь къ себѣ на грудь прелестнаго четырехлѣтняго ребенка-дѣвочку, уцѣпившуюся въ свою очередь обѣими ручками за шею убитаго и въ невыразимомъ испугѣ широко раскрывшую большіе каріе глаза на подошедшихъ такъ неожиданно нашихъ солдатиковъ.

— Вотъ такъ находка! развелъ руками Борщовъ.

— Да какъ ее сюда занесло?.. Родитель это ейный. надо полагать, недоумѣвалъ Сидорчукъ.

— Должно родитель. Ишь ты сердечная, какъ уцѣпилась-то за него!

— Жалко тоже чай...

Разсуждая такимъ образомъ, солдатики начали приближаться къ убитому и дѣвочкѣ.

Ребеночекъ нагнулъ головку къ лицу покойнаго и, пугливо озираясь на подошедшихъ, еще крѣпче началъ жаться къ трупу.

— Дѣвонька... Глупенькая... Тятка что-ли это тебѣ будетъ?.. Тятка-то теперь ау! померъ! жалостливо бормоталъ Сидорчукъ, нагнувшись къ дѣвочкѣ и глядя ее по головкѣ.

— Рабеночекъ-то, рабеночекъ какой... Картинка! восторгался въ то же время и Борщовъ, стараясь приласкать малютку...

Въ дѣвочкѣ принялъ горячее участіе поручикъ Д. и рѣшилъ пока приютить маленькую турчанку у себя, окруживъ ее самыми нѣжными заботами.

Товарищи-офицеры, видя за это время Д. необыкновенно озабоченнымъ, слегка посмѣивались.

— Что-то подозрительно, Иванъ Викентьевичъ, обращался къ нему кто-нибудь изъ товарищей, — ты такъ хлопочешь объ этой дѣвочкѣ, какъ будто это твой собственный ребенокъ.

— Вовсе нѣтъ, замѣчалъ другой, — Иванъ Викентьевичъ себѣ на умѣ... Онъ, полагать надо, невѣсту себѣ воспитать думаетъ, оттого и хлопочетъ.

Д. на всѣ эти замѣчанія и т. п. невинныя подшучиванія товарищей обыкновенно отмалчивался, но иногда и рѣзко обрывалъ назойливаго шутника.

— Да отстаньте, вамъ какое дѣло?.. Можетъ и невѣсту хочу себѣ воспитать; для васъ, мнѣ кажется это безразлично, съ отгѣнкомъ досады говорилъ онъ и уходилъ отъ нихъ въ сторону.

Когда полкъ къ вечеру второго дня послѣ боя возвратился въ лагерь подъ Дольній-Дубнякъ, Д. со всѣхъ ногъ бросился къ своей землянкѣ.

ИЗЪ РОЙНЪ ПРОШЛАГО.

Эпизодъ изъ одной изъ наполеоновскихъ войнъ. Пруссаки, переломленные французами, пробрались въ французскую деревню и под угрозою смерти стали требовать у мѣстной учительницы указаній о передвиженіи войскъ. Героиня предпочла смерть позору и погибла подъ пулями разъяренныхъ пруссаковъ.

То, что онъ увидѣлъ, превзошло его ожиданія.

Небольшая, квадратная, въ аршинъ глубины яма, покрытая, въ видѣ крыши, тонкими брусками, переплетенными кукурузными стеблями, и усыпанная сверху землей, представляла довольно невзрачное убѣжище, слывшееся подъ названіемъ землянки, въ которой, подобно другимъ офицерамъ, помѣщался и поручикъ.

На этотъ разъ, съ прибытіемъ новой жилицы, въ лицѣ взятой Д. на свое попеченіе малютки-турчанки, помѣщеніе это, стараніями Сидорчука и деньщика Ярыловца, значительно измѣнилось къ лучшему и носило даже отпечатокъ нѣкотораго комфорта.

Въ глубинѣ землянки виднѣлось подобіе какой-то занавѣси изъ грубаго холста, которая раздѣляла все помѣщеніе почти на половину. Изъ-за приподнятаго края этого импровизированнаго драпри виднѣлась стоящая на земляной насыпи продолговатая плетеная изъ древесныхъ вѣтвей корзина, покрытая сверху кускомъ сѣраго сукна, въ видѣ одѣяла, и съ подушкой въ чистой бѣлой наволочкѣ на мѣстѣ изголовья. Стѣна землянки надъ этой постелью была покрыта цыновкой, сплетенной изъ кукурузныхъ стеблей, и таковая-же лежала на землѣ около корзины. Все это было устроено и приспособлено усидѣмъ Сидорчука для ввѣренной его заботамъ малютки. Кровать-же самаго хозяина землянки, поручика Д., была перенесена ближе ко входу; остальное имущество, заключающееся въ чемоданѣ, было помѣщено подъ сбитый изъ досокъ столъ, примыкающей къ постели.

ОКОЛО КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

На берегу Мраморного моря.
(Рис. англійскаго журнала).

Когда Д. вошелъ въ свою землянку, то первое, что бросилось ему въ глаза, былъ Сидорчукъ. Почтенный служивый сидѣлъ у входа и старательно сшивалъ какія-то разноцвѣтныя тряпицы.

Увидя поручика, онъ пріостановилъ свое занятіе и вытянулся во фронтъ.

— Ну, что, какъ дѣвочка? скороговоркой спросилъ Д., пылливо глядя въ глубь землянки.

— Слава Богу, ваше благородіе, почиваетъ таперъ.

— Спать?... Ну и хорошо... Гдѣ-же ты ее устроилъ?

— А вотъ тутотка, ваше благородіе.

Сидорчукъ указалъ рукою по направленію къ занавѣси.

— Ну, вотъ молодецъ, спасибо, тихо заговорилъ Д., подходя къ постели, устроенной служивымъ, и любуясь на безмятежно спавшую малютку.

— Изъ чего-же вы постель и все это устроили? заботливо спрашивалъ поручикъ сердобольнаго усача.

— А мы, ваше благородіе, такъ распорядились: тюфякъ изъ мочалы соорудили, у каптиармиста полковаго я куль выпросилъ, объяснилъ Сидорчукъ. Занавѣску и чехоль для тюфяка изъ сухарнаго мѣшка сшили. Подушечку одну вашу взяли... махонькую... А насчетъ одѣяльца опять-таки сукна у квартирмистерскаго деньщика раздобыли... Простыньку вашу, ваше благородіе, одну подшили, а другую застлали.

— Чудесно!.. Молодецы!.. А кормили ее чѣмъ?.. какъ?.. Молока достали?

— Достали, ваше благородіе... Еще вчерась въ Магалеты самъ слеталъ.

— Вотъ и хорошо... Ну, а какъ сама?.. Весела или скучаетъ?

— Обходится, ваше благородіе, привыкаетъ... Ёсть не особенно дюже, а только кушаетъ какъ надо.

— А это ты что же шьешь? спросилъ поручикъ, кивнувъ головою на тряпицы въ рукахъ служиваго.

— Платице, ваше благородіе, для дѣвоньки мастерю... Двѣ рубахи у меня еще изъ Рассеи новыя ситцевыя были, мнѣ ни къ чему онѣ... Такъ я вотъ ихъ пожертвовалъ, ухмыльнулся Сидорчукъ.

— А ты умѣешь?

— Что это?.. Шить-то, ваше благородіе?.. Кабы настоящій струментъ былъ, такъ замѣсто швеи въ лучшемъ видѣ смастерю... Вотъ бѣлеца бы, ваше благородіе... Рубашонки дѣвонькѣ пошить... Да полусапожки бы... Кожы только нѣтъ, а то Борщовъ башмачникъ вѣдь... Смастерить.

— Что же, это можно. Ярыловецъ! обратился Д. къ своему деньщику, — достань, братецъ, двѣ мои новыя рубашки, да передай ихъ вотъ Сидорчику, пусть выкроитъ изъ нихъ что надо... А насчетъ башмаковъ, такъ у меня сапоги городскіе есть: можетъ изъ нихъ можно что сдѣлать?

— Можно, ваше благородіе, поспѣшилъ отозваться Сидорчукъ. — Ежели голенища хорошія, такъ изъ нихъ башмачки за первый сортъ выйдутъ.

— Ну, дѣлай какъ знаешь.

Распорядившись такимъ образомъ, Д. еще разъ полюбовался, подойдя къ занавѣси, на спящую малютку и затѣмъ, пообѣдавъ наскоро, одолѣваемый усталостью, тихонько улегся на свою кровать, продолжая мечтать о томъ, какъ бы лучше устроить свою малютку, пока сонъ не смежилъ его отяжелѣвшія вѣки.

Проснувшись поздно вечеромъ, Д. былъ пріятно пораженъ представившеюся его взорамъ сценой.

Дѣвочка сидѣла на своей кровати и весело что-то щебетала по своему со стоявшимъ передъ нею на колѣняхъ Сидорчукомъ. Въ дверяхъ землянки, на почтительномъ разстояніи отъ входа, торчали головы усачей-гренадеръ, пришедшихъ полюбоваться на „воспитальницу“, какъ они называли дѣвочку, поселившуюся у ихъ ротнаго командира.

По смуглымъ и загорѣлымъ лицамъ солдатъ блуждали улыбки и они шепоткомъ перекидывались между собой фразами въ родѣ слѣдующихъ:

— Ишь Сидорчукъ-то, ровно нянька заправская!.. И енъ, ребенокъ, хоша изъ турчинъ, а вѣдь ишь ты понимаетъ какъ будто, что ему бають.

— Сноровка тоже, чай, нужна...

— Какая сноровка?

— А такая, значитъ, чтобъ обхожденъе понимать; хочеть, примѣрно, ребенокъ ёсть, либо пить... Ну, и ему чтобы въ точности.

— Да ужъ на что надо, такъ только Сидорчука взять.

— Ходъ вѣй парень... Опять тоже чувствительный... Рабенокъ это понимаетъ.

Д. поднялся съ кровати и подошелъ къ ребенку.

— Ну, что, миленькая, выпалась, моя красавица? ласково глядя на дѣвочку, заговорилъ онъ, стараясь жестаами пополнить смыслъ непонятной ей рѣчи.

— Часа съ два, ваше благородіе, какъ проснулась, отвѣтилъ за малютку Сидорчукъ.—Я покормилъ ее малость, да вотъ теперь и занимаюсь на досугъ... Понятливая, ласковая дѣвочка.

— А ко мнѣ пойдешь? протянулъ къ ней руки Д. Ребенокъ, какъ бы узнавъ своего благодѣтеля, улыбнулся и залепеталъ что-то по турецки.

Взявъ малютку на руки, молодой поручикъ вышелъ съ нею изъ землянки.

— Что, братъ нянчишься! раздался голосъ изъ небольшой группы офицеровъ, проходившихъ въ это время по лагерю.

— Отчего же и не понянчиться... Прелесть то какая вѣдь! отвѣчалъ восторженно Д., цѣлуя розовыя щечки своей воспитанницы.

мандира полка съ присовокупленіемъ названія полка.

Теперь предстоялъ вопросъ: какимъ образомъ отправить малютку въ Россію?

Полкъ выступалъ на-дняхъ въ глубь турецкихъ владѣній, а сообщенія съ отечествомъ черезъ Румынію, кромѣ почтоваго не было никакого.

Но и тутъ выручилъ случай.

Передъ самымъ выступленіемъ полка въ походъ на Балканы, къ Дольнему-Дубняку прибылъ подвижной лазаретъ подъ начальствомъ графа С., направлявшійся съ ранеными и сестрами милосердія въ Румынію, а затѣмъ и въ Россію.

Одна изъ сестеръ милосердія, по просьбѣ начальника штаба дивизіи, принявшаго горячее участіе въ малюткѣ-приемышѣ, взяла на себя трудъ доставить ребенка въ Россію и передать его семейству почтеннаго полковника Г., живущему въ Москвѣ.

Сто лѣтъ тому назадъ. Знаменитое сраженіе при Ватерлоо

Такъ проходили дни за днями.

Въ это время въ войскахъ, стоявшихъ подъ Плевною, пронесся слухъ о скоромъ выступленіи на Шипкинскій перевалъ для усиленія корпуса генерала Радецкого.

Вѣсть эта поставила въ довольно непріятное положеніе Д., озабоченнаго дальнѣйшей участію своей питомицы, но къ этому вопросу сочувственно отнеслись всѣ офицеры во главѣ съ самимъ командиромъ полка.

По инициативѣ послѣдняго, было рѣшено на общемъ собраніи офицеровъ, признать малютку Машу полковою дочерью и изъ добровольныхъ взносовъ, дѣлаемыхъ офицерами ежегодно, образовывать капиталъ, на который она могла бы получить приличное воспитаніе въ предѣлахъ Имперіи.

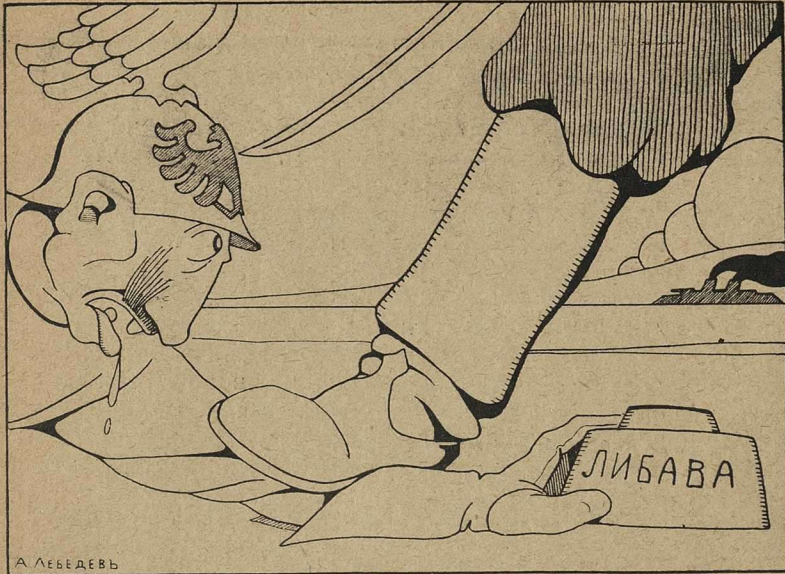
Съ рѣшеніемъ этого вопроса было предложено и дать фамилію дѣвочкѣ соотвѣтственную случаю, вслѣдствіе чего она и была названа фамиліей ко-

Насталъ день выступленія полка изъ бивуака, а слѣдовательно и передачи дѣвочки въ распоряженіе будущей ея попечительницы, сестры милосердія.

Нужно было видѣть непритворное горе какъ самого Д., такъ и усаचा-няньки Сидорчука, которымъ предстояла разлука съ ихъ любимицей. Д., цѣлую ночь не могъ сомкнуть глазъ, ворочаясь въ раздумьи съ боку на бокъ, а Сидорчукъ продежурилъ до разсвѣта у кровати, гдѣ беззаботно покоилась малютка Маша.

Съ разсвѣтомъ ударили сборъ, и солдатики выползли изъ палатокъ, начали выстраиваться къ походу.

Офицеры передъ выступленіемъ изъ лагеря спѣшили къ землянкѣ Д., чтобы проститься съ общей ихъ дочерью. Малютка недоумѣло таращила глазенки переходя съ рукъ на руки и улыбаясь только на разстачаемыя ей ласки и поцѣлуи.

«ЗАВОЕВАТЕЛЬ»: Итак, Либава въ моихъ рукахъ!

Понуро опустья головы смотрѣли на эту трогательную сцену Д. и Сидорчукъ.

Но вотъ барабаны ударили подъемъ; послышалась команда начальниковъ—и первый баталіонъ, съ пѣсенниками впереди, началъ вытягиваться на Софійское шоссе по направленію къ Плевнѣ.

Къ опустѣвшей землянкѣ подъѣхала повозка подвижнаго лазарета.

— Ну что же, гдѣ у васъ дѣвочка? послышалось изъ повозки мягкое mezzosoprano пожилой женщины въ костюмѣ сестры милосердія.

— Вотъ... возьмите, берегите пожалуйста, сдавленнымъ голосомъ проговорилъ Д., передавая въ повозку закутанную съ ногъ до головы дѣвочку.— А это вотъ ей на дорогу, добавилъ онъ, протягивая руку съ довольно объемистымъ кошелькомъ.

— Зачѣмъ, не надо, я ее и такъ доведу, попробовала протестовать сестра милосердія.

— Нѣтъ, возьмите, ей тамъ пригодится... Если что, напишите прямо въ полкъ, на имя командира...

Прощайте... Прощай, Маша! торопливо, какъ бы захлебываясь отъ подступавшихъ къ горлу слезъ, проговорилъ Д., поспѣшно отходя къ выстроившейся и ожидавшей его ротѣ.

— Прощай, Маша! хрипло, точно простонавъ, вымолвилъ въ сторону малютки, сидѣвшей уже въ повозкѣ, Сидорчукъ, и крупная слеза скатилась по его загорѣлой щекѣ.

Маша, какъ бы чувствуя съ кѣмъ она разстается и видя себя на рукахъ незнакомой женщины, протянула въ сторону солдатъ ручки и расплакалась.

Слезы малютки больно подѣйствовали на нервную натуру молодого поручика.

— Справа по отдѣленіямъ! ружья вольно! шагомъ маршъ скомандовалъ онъ надтреснутымъ и голосомъ и зашагалъ во главѣ роты.

— Ну, трогай! крикнулъ возница на лошадей, и повозка покатила въ обратную сторону, по намерзлой почвѣ шоссе, по направленію къ Дольнему-Дубняку.

До ушей Д. издали по временамъ доносился какъ бы плачъ оставленнаго имъ ребенка, и онъ, чтобы заглушить въ себѣ эти мучительные для него звуки, вызвалъ пѣсенниковъ впередъ роты.

Греми слава трубой—

Мы дрались, турокъ, съ тобой! раздалась залихватская пѣсня изъ десятка молодецкихъ грудей, и рота бодро зашагала по направленію къ Плевнѣ.

Въ августѣ 1878 года, когда С—кій полкъ послѣ перемирія стоялъ лагеремъ за Балканами, около села Курджикіой, было получено письмо, въ которомъ извѣщали, что дочь полка 15 іюля присоединена къ православію, подѣ именемъ Маріи, и находится въ семьѣ полковника Г., гдѣ всѣ ее очень любятъ.

В. Д.

Правда о смерти эрцгерцога Рудольфа.

(Сенсаціонныя разоблаченія княгини Зичи).

Хорошо воспитанный и прекрасно учившійся въ юности, эрцгерцогъ Рудольфъ отличался полнымъ отсутствіемъ Габсбургской гордости, либеральными идеями и склонностью къ литераторамъ и ученымъ болѣе, чѣмъ къ родовитымъ аристократамъ.

Онъ былъ ярымъ охотникомъ, но любилъ охотиться, главнымъ образомъ, за орлами въ Альпахъ, переноса всякаго рода опасности.

До восемнадцати лѣтъ онъ сохранилъ полную невинность, но съ

этого времени предался самой буйной веселой жизни подъ руководствомъ своего гофмейстера, графа Бомбея, человека легкомысленнаго и преданнаго удовольствіямъ.

Красотѣ и положенію Рудольфъ былъ обязанъ многочисленными побѣдами надъ женскими сердцами во всѣхъ слояхъ вѣнскаго общества.

Сначала отецъ смотрѣлъ на все это сквозь пальцы, но потомъ рѣшилъ сына женить, тѣмъ болѣе, что распутная жизнь подтачивала слабое здоровье эрцгерцога.

Однако, всѣ представляемыя не вѣсты не нравились Рудольфу, но наконецъ, видя необходимость сдѣлать выборъ, онъ остановился на семнадцатилѣтней принцессѣ Стефани Бельгійской, которая ему менѣе не нравилась, чѣмъ другія.

Въ это время онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ съ красивой брюнеткой г-жей Ф., и, отправляясь сдѣлать предложеніе не вѣстѣ, Рудольфъ захватилъ г-жу Ф. въ Брюссель, гдѣ оставилъ ее въ своемъ вагонѣ, во время пребыванія во дворцѣ.

Никто не зналъ объ этомъ скандалѣ, и онъ такъ бы и остался тайной, если бы не вѣста не упростила мать поѣхать съ нею на желѣзнодорожный вокзалъ, гдѣ къ ужасу увидѣла черезъ зеркальныя стекла

вагона своего жениха въ объятіяхъ красивой женщины.

Узнавъ объ этомъ, бельгійскій король, любившій свою дочь и не отличавшійся честолюбіемъ, хотѣлъ разстроить свадьбу, но Францъ-Иосифъ этому воспротивился, и послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ ему удалось устранить всѣ преграды.

Принцесса Стефанія была обвѣнчана со своимъ «неосторожнымъ женихомъ», и въ первые мѣсяцы все обстояло благополучно, но потомъ даже передъ рожденіемъ перваго ребенка онъ вернулся къ своей веселой жизни.

Принцесса Стефанія, побуждаемая ревностью, стала не только осыпать его упреками, но и устраивала ему скандальныя исгоріи.

Напримѣръ, узнавъ отъ своей сестры, принцессы Кобургской, гдѣ долженъ былъ провести ночь ея невѣрный мужъ, она отправилась туда въ придворной каретѣ, приказавъ кучеру ждать принца, а сама возвратилась домой въ скромномъ экипажѣ мужа.

Вокругъ придворной кареты собиралась толпа, которая дежурила всю ночь въ ожиданіи принца.

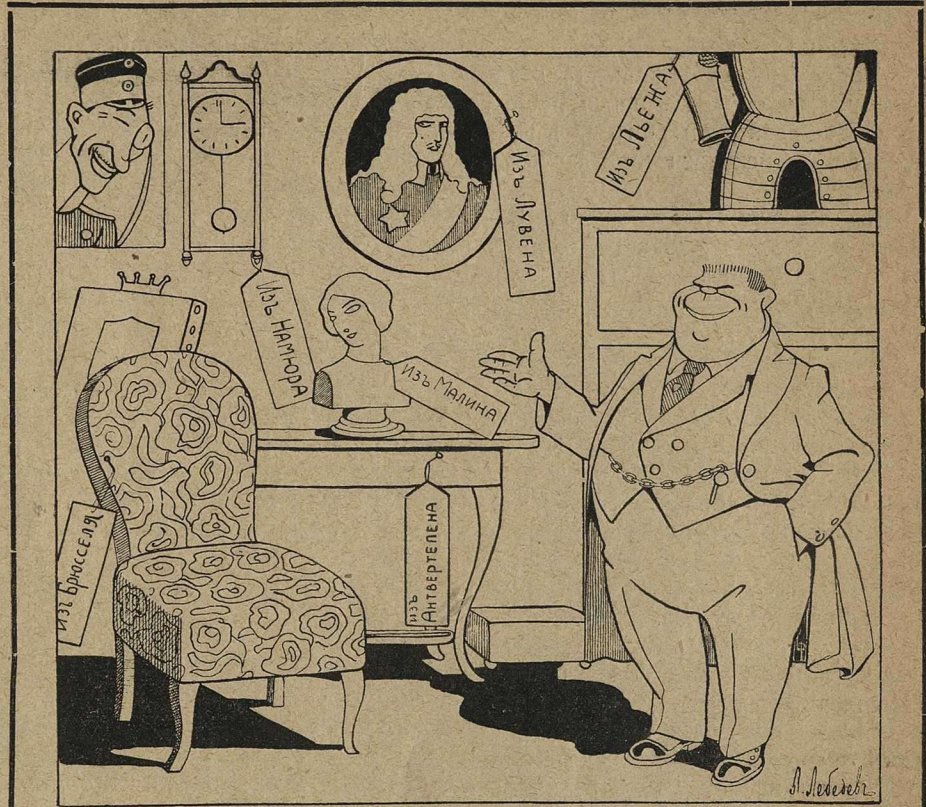
Эти семейныя непріятности побуждали принца искать утѣшенія въ крѣпкихъ напиткахъ.

Къ его несчастью, около этого времени онъ познакомился съ молодой красавицей, наполнявшей всю Вѣну своей славой, баронессой Вечера.

Она была дочерью ловкой интриганки, которая въ свое время блистала въ вѣнскомъ обществѣ и одерживала безконечныя побѣды, даже среди Габсбурговъ.

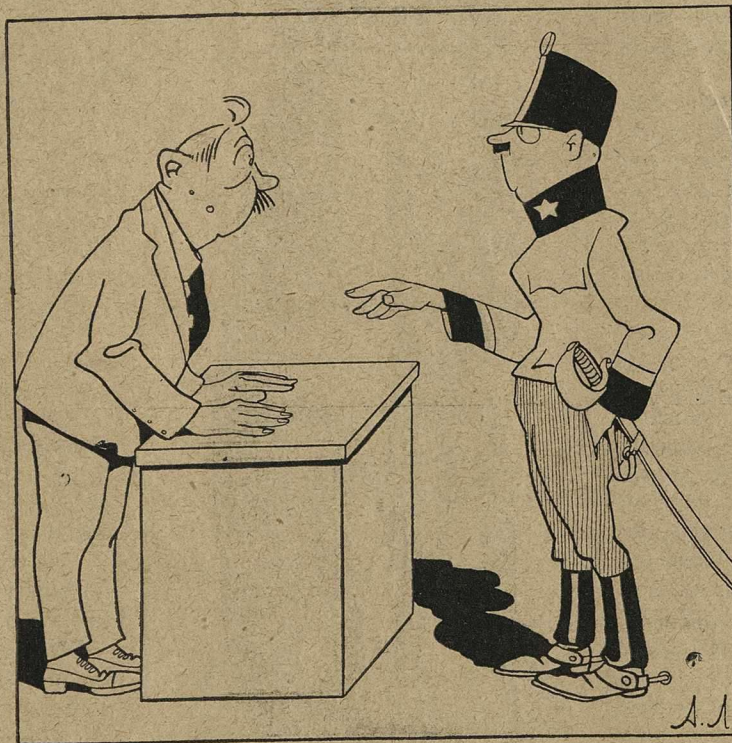
Семнадцати-лѣтняя Марія, обладая замѣчательной красотой, наслаждалась отъ матери талантъ къ интригѣ и рѣшила поженить на себѣ принца Рудольфа.

Съ помощью своей пріятельницы, графини Ларишъ, племянницы императрицы Елисаветы и друга дѣтства Рудольфа, которому она помогала въ его любовныхъ похожденияхъ, Вечера устроила въ фантастической обстановкѣ первое свое свиданіе съ эрцгерцогомъ.

НЕЙТРАЛЬНЫЙ: — Мы строго нейтральны и торгуемъ только предметами самаго мирнаго назначенія!..

ВОЙНА ВЪ КАРРИКАТУРАХЪ.

АВСТРІЯКЪ: — Мнѣ нужно полное походное снаряженіе: кожаные брюки, бутылка скипидара и дюжина бѣлыхъ флаговъ.

На балу въ своемъ домѣ графиня Ларишъ отвела Рудольфа въ отдаленную комнату, украшенную цвѣтами и освѣщенную нѣжнымъ розовымъ свѣтомъ, гдѣ подъ роскошной пальмой молча сидѣла чудная, почти обнаженная, красавица.

Рудольфъ былъ такъ пораженъ красотой Маріи, что молча открылъ свои объятія, и она бросилась въ нихъ.

Они немедленно и тайнымъ образомъ уѣхали въ домъ баронессы Вечера, гдѣ Рудольфъ остался до утра.

Онъ такъ влюбился, что забылъ все на свѣтѣ: семью и ожидавшій его престоль, и цѣлыя сутки проводилъ съ Маріей въ своемъ Меерлингскомъ «охотничьемъ домикѣ» близъ Вѣны.

Ни укоры отца, ни мольбы матери не могли убѣдить его перемѣнить жить.

Францъ-Иосифъ пришелъ въ ярость и заявилъ сыну, что этому никогда не бывать.

Тогда Рудольфъ написалъ слезное письмо къ папѣ, прося разрѣшить ему разводъ и тѣмъ дать возможность жениться на любимой женщинѣ.

Но это письмо не тронуло папы, и онъ отвѣчалъ не молодому принцу, а его отцу, указывая послѣднему на необходимость вернуть сына на христіанскій путь.

Францъ-Иосифъ очень встревожился воззваніемъ папы, но, прежде чѣмъ объяснить съ Рудольфомъ, посоветовался съ придворнымъ докторомъ, который сообщилъ ему, что здоровье принца совершенно разстроено, и онъ умретъ, если будетъ предаваться попрежнему крайнимъ половымъ излишествами.

Францъ-Иосифъ призвалъ Рудольфа, со слезами на глазахъ, театрально, бросился на шею къ сыну и умолялъ его пожалѣть отца, мать и всю страну, которые видѣли въ немъ свою единственную надежду.

Рудольфъ не ожидалъ такой сцены и, тронутый великолѣпно-разыгранной нѣжной любовью отца, забылъ на время Марію.

Онъ поклялся, что никогда болѣе не увидитъ Вечеры и помирится съ женою.

Обрадованный отецъ взялъ съ него слово, что онъ въ этотъ день будетъ обѣдать дома среди своей семьи.

Между тѣмъ и Вечера поклялась передъ своимъ другомъ графиней Ларишъ, въ виду безпокойства, замѣченнаго ею въ принцъ и его охлажденія къ ней, что если онъ броситъ ее, то она жестоко отомститъ ему, лишивъ его возможности обладать другою женщиною.

Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ сцены между отцомъ и сыномъ, и графиня Ларишъ, которая искренно любила своего двоюроднаго брата, написала ему, умоляя не оставаться болѣе съ Маріей Вечера наединѣ, если онъ намѣренъ порвать свою связь съ нею, такъ какъ она была въ состояніи отомстить ему самымъ ужаснымъ образомъ.

Вернувшись отъ отца, Рудольфъ былъ такъ разстроенъ, что приказалъ никого не пускать къ себѣ, но Вечера насильно ворвалась въ его комнату и, бросившись передъ нимъ на колѣни, умоляла его сказать ей всю правду, такъ какъ она видѣла по его разстроенному лицу, что имъ грозило большое горе.

Среди слезъ и пламенныхъ поцѣлуевъ онъ высказалъ ей, что имъ необходимо разстаться.

Она приняла это извѣстіе спокойно и, поовидимому, покорилась неизбежной судьбѣ, но потребовала, чтобы Рудольфъ простился съ нею въ Меерлингѣ, общая затѣмъ скрыться навсегда.

Разстроенный нравственно и физически, Рудольфъ забылъ клятву, данную отцу, и предостереженіе графини Ларишъ; онъ согласился на просьбу любимой женщины и сказалъ, чтобы она тотчасъ же ѣхала въ Меерлингъ, общая послѣдовать за нею, но предупредить, что онъ не можетъ долго оставаться, такъ какъ долженъ обѣдать у отца.

Негръ въ боевомъ вооруженіи.

29 января 1889 г., въ 2 часа дня, принцъ Рудольфъ выѣхалъ изъ Вѣны въ маленькихъ санкахъ и по дорогѣ встрѣтилъ своего зятя, принца Кобургскаго, который, получивъ извѣстіе о семейномъ обѣдѣ, торопился въ Вѣну изъ Меерлинга, гдѣ онъ утромъ охотился.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, принцъ Кобургскій умолялъ Рудольфа вернуться во дворецъ, увѣряя, что онъ иначе не поспѣетъ къ обѣду.

Рудольфъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, но, однако, отѣхавъ, онъ пришелъ къ убѣжденію, что принцъ Кобургскій правъ, и, вспомнивъ о любви къ нему отца, приказалъ кучеру вернуться.

Однако, послѣдній не успѣлъ исполнить этого приказа, какъ Рудольфа догнала Вечера, которая, не дождавшись принца въ Меерлингѣ, поскакала ему навстрѣчу.

При видѣ ея Рудольфъ забылъ обо всемъ и отправился съ нею въ Меерлингъ.

Они прибыли туда, когда уже стемнѣло.

Марія прошла незамѣтно въ свою комнату, такъ что никто не зналъ въ охотничьемъ домикѣ объ ея возвращеніи, а Рудольфъ появился на минуту въ столовую, гдѣ весело обѣдали его друзья послѣ охоты, и заявивъ, что у него болитъ голова, потребовалъ обѣдъ въ свои покои.

«Ничто не нарушало послѣдняго просты принца Рудольфа съ Маріей Вечера, — рассказываетъ княгиня Зичи. — Наконецъ, утомленный всѣми событіями этого дня, ласками знойной любовницы, а, быть можетъ, подъ вліяніемъ крѣпкихъ напитковъ, которыхъ Вечера заставила его выпить болѣе обыкновеннаго, онъ заснулъ тяжелымъ сномъ».

Его разбудила самая отвратительная месть, которую только можетъ придумать женщина.

Увидавъ, что его жизнь на вѣки погублена, онъ схватилъ револьверъ и убилъ ту, которая нанесла ему позорное униженіе, а затѣмъ покончилъ и съ собою.

Преступленіе и двойная смерть не обратили на себя ничьего вниманія въ охотничьемъ домикѣ.

На другое утро одинъ изъ ближайшихъ друзей принца, — графъ Гойось, видя, что Рудольфъ долго не выходитъ изъ своей комнаты, постучалъ въ дверь и, не получивъ отвѣта, вошелъ въ комнату.

Его глазамъ представилось ужасное зрѣлище: на кровати лежала

Во время войнъ сѣдой старины. Продажа плѣнныхъ въ рабство.

Марія, спокойная и прекрасная въ смерти.

Рядомъ съ нею виднѣлся принцъ Рудольфъ съ искаженнымъ лицомъ и съ большой раной на головѣ, изъ которой обильно текла кровь.

На полу валялся револьверъ, который объяснялъ происшедшую катастрофу.

ВОЕННЫЙ ШПИОНАЖЪ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ.

(По англійскимъ источникамъ).

Хотя военная производительность страны зависитъ главнымъ образомъ отъ военныхъ качествъ ея обитателей, безразлично, приращенныя ли они или достигнуты воспитаніемъ, а также отъ силы, вооруженія, организаціи, руководительства, военной подготовки и готовности къ бою ея войска, но успѣхъ на войнѣ можетъ быть значительно облегченъ точнымъ знаніемъ военныхъ обстоятельствъ противника, такъ какъ подобное знаніе содѣйствуетъ цѣлесообразному распредѣленію собственныхъ силъ.

Поэтому получение свѣдѣній о предполагаемомъ противникѣ является политической и военной необ-

ходимостью, хотя нѣкоторые способы добыванія ихъ могутъ казаться достойными порицанія съ нравственной точки зрѣнія.

Къ этимъ способамъ прежде всего принадлежитъ шпионство. Но

БИСМАРКЪ ВЪ КАРИКАТУРѢ.

Хорошая погода. Паремѣнно. Гроза.

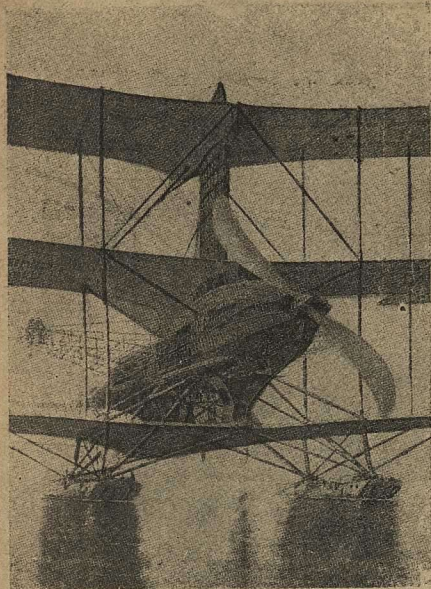
такъ какъ многія военныя державы пользуются имъ, то государство, которое желало бы отказаться отъ этого, очевидно, потерпѣло бы большой убытокъ.

Военныя свѣдѣнія — не только о предполагаемомъ противникѣ, но и о всѣхъ имѣющихъ значеніе военныхъ государствахъ — добываются изученіемъ ихъ армій и всѣхъ военныхъ условий, поскольку послѣднія видны изъ уставовъ, военныхъ и статистическихъ сочиненій, а также изъ наблюденій особыхъ делегатовъ на маневрахъ и т. д.

Въ главныхъ штабахъ всѣхъ большихъ армій различныя департаменты постоянно заняты изученіемъ военного устройства и театра военныхъ дѣйствій.

Дѣло итальянскаго генерала, который на французско-итальянской границѣ производилъ военную реконсцировку, и многочисленныя подобныя случаи обнаружили, что во многихъ государствахъ офицеры ежегодно посылаются за границу по военнымъ порученіямъ, для собиранія необходимыхъ свѣдѣній.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ стало бросаться въ глаза, что еже-

Недавно спущенъ на воду чудовищный американскій военный гидропланъ-дирижабль.

годно во Францію приѣзжаютъ значительное число нѣмецкихъ офицеровъ «для изученія французскаго языка».

Эти путешествія, однако, никакъ не могутъ быть названы «шпіонствомъ»; они скорѣе принадлежатъ къ военной развѣдочной службѣ, такъ какъ у нихъ отсутствуютъ характеристичные признаки шпіонства.

Тогда какъ настоящіе шпіоны осуждаются общественнымъ мнѣніемъ и во время войны приговариваются военнымъ судомъ къ разстрѣлянью или позорной смерти, у офицеровъ или другихъ представителей государства, которые въ мирное время собираютъ въ чужой странѣ военныя свѣдѣнія, теперь просто конфискуется собранный матеріалъ, послѣ чего ихъ просятъ возвратиться домой.

Это вызывается тѣмъ, что большинство военныхъ державъ пользуется подобными побѣдками въ интересахъ защиты своей страны, такъ что побѣдки эти носятъ должностной, служебный характеръ.

Средства военной развѣдочной службы противъ прежняго значительно увеличились; они заключаются не только въ правильно организованномъ изученіи и постоянномъ наблюдении чужихъ армій вышеназванными органами и разными развѣдочными бюро и справочными отдѣлами, не только въ специальныхъ побѣдкахъ на маневры за границу, но въ постоянномъ наблюде-

нии за чужими арміями значительно увеличеннымъ противъ прежняго числомъ военныхъ и морскихъ агентовъ при посольствахъ.

Важнымъ средствомъ для полученія извѣстій теперь является также телеграфъ, который позволяетъ доставлять свѣдѣнія шифрованными или, гдѣ это не допускается, условными торговыми телеграммами гораздо скорѣе и подвергаясь меньшему контролю, чѣмъ то было возможно въ прежнее время.

Мы съ удивленіемъ видѣли, что бурская миссія въ Голландіи, несмотря на то, что сражающіеся буры были отрѣзаны отъ береговъ, несмотря на англійскіе крейсера и на линіи блокаузовъ, постоянно получала точныя извѣстія съ поля сраженія, очевидно, передаваемые не при помощи судовъ, что было бы очень медленно, но какъ-нибудь по телеграфу.

Другимъ средствомъ получать свѣдѣнія во время войны въ наше время служить періодическая печать, представляемая во всѣхъ странахъ нѣсколькими тысячами органовъ и составляющая важный источникъ для военныхъ извѣстій.

Въ настоящее время особенно облегчаетъ полученія военныхъ свѣдѣній то обстоятельство, что почти у всѣхъ государствъ есть подданные, которые имѣютъ занятія на чужбинѣ и поэтому живутъ въ иностранныхъ государствахъ; при случаѣ ими возможно пользоваться,

если не для шпіонства, то для добычя тѣхъ или иныхъ военныхъ свѣдѣній.

Однако, для полученія постоянныхъ и полныхъ свѣдѣній всѣхъ этихъ средствъ не вполне достаточно; во многихъ отношеніяхъ они требуютъ дополненій, напимѣръ, когда дѣло идетъ или о конкретныхъ, требующихъ пониманія спеціалиста, задачахъ, или о предметахъ и сообщеніяхъ, которые могутъ быть получены только спеціально къ тому подготовленными, постоянными агентами.

Это въ особенности относится къ планамъ крѣпостей, проектамъ мобилизаціи, стратегическимъ диспозиціямъ, а также къ планамъ укрѣпленій, будь то большія полевые укрѣпленія или депо, защищенныя переправы, форты, склады и т. д.

Еще сюда относятся и важныя нововведенія въ вооруженіи и снаряженіи войскъ.

Тріумфомъ нѣмецкой осторожности въ этомъ отношеніи надо считать держаніе тайны модели новаго скорострѣльнаго орудія, пока оно не было совершенно закончено и представлено кайзеру и, если не ошибаемся, иностраннымъ военнымъ агентамъ.

То же самое удалось и относительно Маузеровскаго магазиннаго ружья.

Только послѣ введенія его въ арміи одинъ экземпляръ былъ похищенъ изъ караула въ Шпандау агентомъ иностранной державы, передѣтымъ офицеромъ.

БИСМАРКЪ ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

„Остановитесь! Остановитесь!“

Памятная доска въ честь Бисмарка: Въ одномъ изъ зданій станціи, гдѣ прусскій министръ въ 1863 г. пробылъ довольно долго, мраморныя доски должны быть положены съ слѣдующей надписью золотомъ:

З Д Ъ С Ъ.

Бисмаркъ удостоилъ, во время своего проѣзда, остановиться на два часа не по своей волѣ.

ВОЕННО ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

1.

Когда Тамерланъ одержалъ побѣду надъ Баязетомъ и взялъ его въ плѣнъ, онъ приказалъ привести къ себѣ плѣннаго турецкаго повелителя.

Баязетъ былъ кривой и Тамерланъ, видя это, покотился со смѣха.

— Не смѣйся надъ моимъ несчастьемъ, Тимуръ, — сурово сказалъ ему Баязетъ, — знай, что распредѣленіе удачи и неудачи зависитъ отъ Бога, и что съ тобой завтра же можетъ случиться то, что сегодня случилось со мной.

— Я и безъ тебя знаю, — отбѣтилъ побѣдитель, — что Богъ раз-

даетъ короны. Я вовсе не смѣю надѣ твоимъ несчастьемъ, храни меня Богъ, но когда я на тебя поглядѣлъ, мнѣ пришло на мысль:

«Стоило-ли раздавать ихъ—кривому, какъ ты, да хромоту, какъ я».

2.

Главнокомандующій венеціанскою арміею Альвіане, выступавшей противъ французскаго войска, бывшаго подъ предводительствомъ короля Людовика XII, былъ взятъ французами въ плѣнъ и отведенъ въ ихъ лагерь.

Людовикъ оказалъ ему всяческое вниманіе.

Но венеціанскій вождь, болѣе потрясенный своимъ военнымъ несчастьемъ, нежели растроганный любовью и великодушіемъ побѣдителя, на всѣ любезности отвѣчалъ гордымъ и пренебрежительнымъ молчаніемъ.

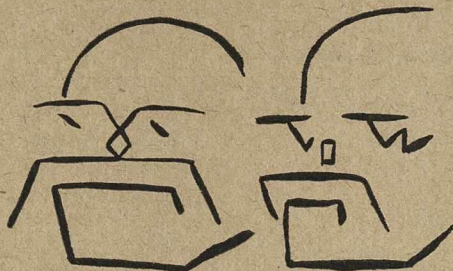
Людовикъ тогда отослалъ его къ другимъ плѣнникамъ.

— Надо оставить его въ покой, — говорилъ онъ при этомъ, — а то я, пожалуй, раздражусь и буду нехорошо. Его я побѣдилъ, надо, чтобъ я и себя смѣлъ побѣдить.

3.

Карль Великій обычно самъ припечатывалъ свои указы головкою своего меча, гдѣ была награвирована его печать, и при этомъ часто говаривалъ:

БИСМАРКЪ ВЪ КАРРИКАТУРѢ.

Комическая маска. Трагическая.

— Вотъ мои указы!

А потомъ, показывая мечъ, прибавлялъ:

— А вотъ то, что заставитъ моихъ враговъ исполнять ихъ.

4.

Байяръ командовалъ гарнизономъ Мезіера въ то время, когда городъ осаждалъ Карль V.

Императоръ послалъ въ городъ требованіе о сдачѣ.

Байяръ, «рыцарь безъ страха и упрека», отвѣчалъ послу:

— Скажите вашему господину, что французскій гнѣдой (bayard — простонародное произношеніе слова bai, означающаго гнѣдой) не боится нѣмецкаго рыжаго.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ ИНДІИ.

(Изъ исторіи первыхъ попытокъ англичанъ утвердиться въ Индіи).

Первоначальнымъ дѣйствіямъ Остъ-Индской компаніи сильно мѣшали португальцы и голландцы, которые ранѣе утвердились въ Индіи, а потому въ 1619 году было рѣшено учредить постоянное англійское посольство при дворѣ великаго могола.

Для занятія этого отвѣтственнаго поста былъ избранъ компаніей и утвержденъ королемъ Яковомъ I сэръ Томасъ Ро, дневникъ и переписка котораго во время его посольства теперь изданы.

Хотя сэру Томасу Ро было тогда только 35 лѣтъ, но онъ уже пользовался извѣстностью, какъ адвокатъ, членъ парламента и путешественникъ, посѣтившій Гвіану и неизвѣстную въ то время рѣку Амазонку, а также какъ умный и блестящій свѣтскій человѣкъ, бывавшій не разъ во Франціи и находившійся въ дружескихъ отношеніяхъ съ принцемъ Уэльскимъ и его сестрой, королевой Богемской, называвшей его всегда «честнымъ Томомъ».

Поэтому Остъ-Индская компанія не могла сдѣлать лучшаго выбора, и 2-го февраля 1615 года Ро отправился въ путь съ экспедиціей, состоящей изъ трехъ кораблей.

Хотя онъ являлся въ Индію предста-

Полтавское сраженіе. — Съ старинной картины профессора Коцебу.

вители не только торговой компании, но и английского короля, послѣдній далъ ему лишь полномочную грамоту къ великому моголу, а жалованье въ 600 фунтовъ въ годъ и на расходы еще 500 фунтовъ выдавались ему компаніей.

Полгода заняло одно путешествіе до Сурата, а затѣмъ потребовалось почти столько же время и устраненіе раз-
 чи столько же времени на устраненіе различныхъ затрудненій, возбужден-
 ныхъ губернаторомъ этого города и дворомъ великаго могола, такъ что ан-
 глійскій посланникъ былъ принятъ въ торжественной ауденціи великимъ мо-
 голомъ, Іехангиромъ, въ Аймерѣ, толь-
 ко 10 января слѣдующаго года.

Приѣмъ былъ самый дружественный, и затѣмъ Ро часто видѣлся съ великимъ моголомъ, который, отличаясь страстью къ крѣпкимъ напиткамъ, предлагалъ ему различные вопросы о томъ, что онъ пилъ въ Англіи, сколько разъ въ день и какъ готовились его любимые на-
 питки.

Добродушный Іехангиръ всю жизнь проводилъ въ удовольствіяхъ, а управ-
 леніе имперіей предоставлялъ своей женѣ, Нуръ Махаръ, болѣе извѣстной подъ именемъ Нуръ-Яханъ (т. е. свѣтъ міра), ея брата Ассафу-Хану и своему любимому сыну, султану Курхаму.

Въ числѣ его излюбленныхъ препро-
 вожденій времени было зрѣлище уче-
 ныхъ слоновъ, которые, по словамъ сэ-
 ра Томаса Ро, дѣйствительно очень гра-
 ціозно кланялись и присѣдали въ ихъ
 роскошныхъ пополахъ, усаженныхъ дра-
 гоцѣнными камнями.

Самъ великій моголъ питалъ большую слабость къ драгоцѣннымъ камнямъ и, осыпанный ими, любилъ вѣсить себя на вѣсахъ.

Англичанинъ рассказываетъ одну изъ такихъ церемоній.

Въ придворномъ саду на большой зе-
 леной полянѣ красовались на эстрадѣ
 громадныя вѣсы, чашки которыхъ были
 изъ чистаго золота, и висѣли на золо-
 тыхъ цѣпяхъ, прикрѣпленныхъ къ та-
 кимъ же золотымъ столбамъ.

Все это было покрыто инкрустаціей
 изъ драгоцѣнныхъ камней.

Въ положенный часъ явился великій
 моголъ въ сопровожденіи блестящаго
 двора и въ такой роскошной, лучезар-
 ной одеждѣ, какой англичанинъ никогда
 не видѣлъ.

Онъ, положительно, весь былъ заливъ
 брильянтами, рубинами, топазами, сап-
 фирами и жемчугами, которые до того
 сверкали и блестѣли, что придавали его
 фигурѣ волшебный видъ.

Эти драгоцѣнные камни висѣли у него
 даже въ ушахъ, а всѣ пальцы его были
 усажены кольцами, по крайней мѣрѣ, по
 три на каждомъ и съ длинными золоты-
 ми цѣпочками.

Въ такомъ видѣ, онъ усѣлся, поджавъ
 подъ себя ноги, на одну изъ чашекъ вѣ-
 совъ, а на другую слуги насыпали гру-
 ду драгоцѣнныхъ камней, золота и се-
 ребра.

Оказалось, что онъ вѣсилъ девять ты-
 сячъ рупій или тысячу фунтовъ стер-
 линговъ.

Кромѣ драгоцѣнныхъ камней, Іехан-
 гиръ очень любилъ европейскія бездѣ-

лушки, музыкальные ящики, будильни-
 ки и т. д., но сэръ Томасъ Ро не запасъ
 ими, и, желая хоть нѣсколько утѣшить
 разочарованнаго могола, онъ подарилъ
 ему хорошенькую миниатюру, изобра-
 жавшую одну изъ лондонскихъ краса-
 вицъ.

Эта художественная вещь очень
 понравилась Іехангирю, но, поговоривъ
 со своими придворными живописцами,
 онъ сказалъ:

— Что вы дадите моему живописцу,
 если онъ сдѣлаетъ такую копію съ ва-
 шей миниатюры, что вы не отличите ее
 отъ оригинала?..

— Я дамъ ему 50 рупій, — отвѣчалъ
 посланникъ, — но великій моголъ на-
 шель, что эта сумма мала, такъ какъ
 его живописецъ былъ благороднаго про-
 исхожденія.

Тогда англичанинъ прибѣгнулъ къ
 хитрости и возразилъ: «Если вашъ жи-
 вописецъ не возьметъ моихъ денегъ,
 то ваше величество, конечно, сами воз-
 наградите его достойнымъ образомъ за
 торжество національнаго искусства».

Дѣйствительно черезъ нѣсколько
 дней Іехангиръ показалъ сэру Томасу
 Ро пять совершенно одинаковыхъ ми-
 ниатюръ, и послѣдній съ минуту коле-
 бался, чтобы указать на оригиналъ, хо-
 тя въ концѣ концовъ онъ его нашель.

Іехангиръ пришелъ въ такой во-
 сторгъ, что долго хохоталъ, громко хло-
 паль въ ладоши и кричалъ, что у него
 при дворѣ четыре живописца работали
 также хорошо, какъ европейскіе ху-
 дожники.

Остроуміе лейтенанта Фонъ-Кнотъ.

Послѣ одного кровопролитнѣйшаго
 сраженія, въ которомъ погибло много
 нѣмецкихъ офицеровъ — товарищей
 крабраго лейтенанта фонъ-Кнотъ, нѣ-
 кто спросилъ его:

— Что вы почувствовали, узнавъ
 про гибель вашихъ товарищей?

— И доблестный лейтенантъ отвѣ-
 тилъ на этотъ вопросъ:

— Что, въ виду освободившихся
 вакансій, я теперь навѣрно буду про-
 изведенъ въ ротмистры.

* * *

Играли въ шарады, загадки и т. п.
 Дошла очередь загадыванія до лей-
 тенанта фонъ-Кнотъ.

— Какая разница, — спросилъ онъ, —
 между лошадыю и земнымъ шаромъ?

Никто не могъ сказать.

— Очень простая! — отвѣтилъ тогда
 находчивый лейтенантъ. — Лошадь мо-
 жетъ осѣдлать всякій дуракъ, а земной
 шаръ — только нѣмецкій.

И мгновенно всѣ прониклись гор-
 достью къ своему нѣмецкому проис-
 хожденію.

У нашихъ друзей сербовъ. Обрядъ освященія скота въ серб-
 ской деревнѣ.

НѢЖНЫЙ ПАПАША.

«Frankf. Zeit». приводит нѣсколько забавныхъ писемъ деревенскаго парня къ своей женѣ, которыя могутъ служить образцомъ лаконизма. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ войны молодая солдатка получила всего лишь два письма. Первое гласило: «Дорогая жена! Я еще живу. Посылку я получилъ. Если мальчишка все еще шалитъ, то вздуй его еще разъ. Привѣтъ. Адольфъ».

Послѣ долгаго перерыва солдатка получила фотографическую карточку изъ Гейдельбергскаго лазарета. На груди у мужа висѣлъ желѣзный крестъ. На оборотѣ карточки написано было: «Дорогая Берта! Я былъ раненъ, теперь я снова здоровъ и завтра отправляюсь въ дорогу. Если мальчишка шалитъ, то отдери его за уши. Привѣтъ. Адольфъ».

Солдатка попросила мужа написать ей, по крайней мѣрѣ, при какихъ обстоятельствахъ онъ получилъ желѣзный крестъ. Отвѣтъ гласилъ: «Дорогая Берта! Съ желѣзнымъ крестомъ было очень просто. Меня позвалъ маіоръ, мнѣ пришлось стоять въ струнку, а фельдфебель надѣлъ мнѣ крестъ. Привѣтъ. Адольфъ».

«Приглашеніе на вальсъ».

Итальянецъ приглашаетъ:

«О, синьоръ, я жду!»

Но австріецъ отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я не пойду. —

«Отчего жъ вы не пойдете,

Милый мой синьоръ?»

— О, mein Herr, въ австрійскомъ флотѣ

Робость — не позоръ!

«Вы надолго-ль скрылись въ Полу,

Робкій мой синьоръ?»

— Я окончилъ въ Кидѣ школу,

То-то я хитеръ!

«Но, быть можетъ, вы прельститесь,

О, синьоръ, луной...

И, быть можетъ, согласитесь

Встрѣтиться со мной?»

— О, mein Herr, луна на небѣ, ..

Въ синей вышинѣ,

Ну, а мой (я знаю) жребій

Быть на влажномъ днѣ!

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ ВОЙНЪ. Во время осады турками Вѣны графиня Црини взрываетъ пороховой погребъ.

«О, синьоръ! Я канонады

Не открою громъ.

Я ночная серенады

Вамъ спою тайкомъ!»

— Нѣтъ, mein Herr, нѣмая Пола

Спитъ, покой храня,

И ночная баркаролла

Не прельститъ меня!

«Выходите же, тедеско,

На морской просторъ.

Тишина. Не слышно плеска,

Блещетъ звѣздъ узоръ...»

— Нѣтъ, mein Herr, туманъ клубится,

Ночь сыра, свѣжа.

Не могу я въ путь пуститься,

Жизнью дорожа...

«Да, я вижу, вы — вояка,

Доблестный синьоръ!»

— О, mein Herr, для австріяка

Робость — не позоръ!

УЭЛЛЕРЪ.

(«П. К.»).

Телеграфъ беспроволочный и безсовѣстный.

„20-й ВѢКЪ“

**ЧИТАЙТЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО! ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЫ
СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ НОМЕРЫ ЖУРНАЛА.**
Военные рассказы, очерки, рисунки, картины,
корреспонденции и т. д. **== Цѣна 6 коп. ==**